

ЭТНОЛОГИЯ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ¹

А.Н. Багашев*, Р.Ю. Федоров**

Статья посвящена историко-этнографическим исследованиям жизни белорусских крестьян, переселившихся на территорию Дальнего Востока в конце XIX — начале XX столетия. Рассмотрены процессы ассимиляции и сохранения отдельных элементов этнокультурной идентичности переселенцев.

Белорусские переселенцы, белорусы на Дальнем Востоке, аграрные переселения, традиционная белорусская культура, этнокультурные взаимодействия.

Изучение историко-этнографических аспектов жизни белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке представляет значительный исследовательский интерес. В географии массовых крестьянских миграций второй половины XIX — начала XX столетия Дальний Восток естественным образом явился крайней точкой, которой достигли волны аграрного освоения Азиатской России. Поселившиеся здесь крестьяне, преодолевшие такие же колоссальные расстояния, что и европейские колонизаторы Нового Света, столкнулись с непривычными природно-климатическими условиями. Еще более необычным оказалось новое этническое окружение переселенцев. На своей родине предки белорусов на протяжении многих столетий проживали в этноконтактной зоне, переходной между славянской и балтской культурами, православием и католицизмом, русской и европейской моделями социально-политического устройства общества. Дальний Восток — противоположный, азиатско-тихоокеанский, фронт — стал местом этнических контактов заселявших его выходцев из разных уголков Российской империи с китайцами, японцами, корейцами, а также малыми коренными народами. Данные обстоятельства обусловили специфические тенденции в этнокультурной адаптации белорусских переселенцев, во многих случаях отличавшиеся от прототипов, имевших место на территории Сибири.

В июле 2013 г. в рамках реализации совместного гранта РГНФ-БРФФИ по теме «Традиционная культура белорусских переселенцев в аграрной среде Сибири и Дальнего Востока: истоки и трансформации» нами была организована экспедиция на территорию Амурской области и Приморского края. В ее основные задачи входило выявление мест компактного проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев, а также проведение на их территории полевых этнографических исследований. Помимо этого, поездка включала в себя ознакомление с работой местных белорусских землячеств и изучение малоизвестных библиографических источников, хранящихся в региональных библиотеках.

Собранные нами в поездке материалы дали возможность получить общие сведения об историко-этнографических аспектах жизни белорусских переселенцев на Дальнем Востоке. В то же время ограниченные сроки проведения экспедиции не позволили охватить значительную часть деревень, представляющих существенный этнографический интерес. Поэтому данная статья является лишь первым эскизом к будущим углубленным исследованиям.

Анализ библиографических источников свидетельствует, что на сегодняшний день отсутствуют обобщающие исследования, которые могли бы сочетать в себе историографию и анализ этнокультурных процессов в среде белорусских переселенцев на территории Дальнего Востока. Исключение составляет лишь несколько пионерных исследований, проведенных на территории Приморского края, представляющих по ряду причин значительную научную ценность. Первой подобной работой стала монография Л.Е. Фетисовой [2002]. Ее уникальность состоит в том, что в ней обобщен тридцатилетний опыт полевых исследований автора в местах компактного про-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-21-01000 а(м).

живания потомков белорусских переселенцев на территории Приморского края. Учитывая тот факт, что отдельные сельские поселения, рассмотренные в книге, в настоящее время прекратили свое существование, а большинство информаторов уже ушло из жизни, эта монография является единственным исследованием многих, ныне утраченных фольклорных и обрядовых традиций белорусских переселенцев в Приморье.

Еще одно интересное исследование историко-этнографических аспектов жизни белорусских переселенцев в Приморском крае — книга «Мельниковы. Бондарь. Головки. Семейные хроники» [Бутковская, Смирнова, 2008]. Это российско-белорусское исследование можно условно разделить на две части. Первая из них, подготовленная историком-краеведом из Владивостока Н.В. Бутковской, посвящена изучению родословной переселенцев из д. Неглюбка Верещацкой волости Суражского уезда Черниговской губернии (ныне — Ветковский район Гомельской области), основавших в 1882 г. деревни Ивановка и Николаевка на территории Южно-Уссурийского уезда (ныне — Михайловский район Приморского края). Опираясь на документальные источники, автор подробно воссоздает обстоятельства первых морских переселений крестьян в Приморье, а также исследует родословную переселенцев. Вторая часть книги, подготовленная белорусским этнографом И.Ю. Смирновой, посвящена региональным особенностям традиционной культуры из мест выхода переселенцев.

Кроме этих двух работ, следует отметить отдельные публикации Ю.В. Аргудяевой, в которых автор обратила внимание на белорусскую компоненту в этнокультурной среде Приморья [1993, 1997], а также книгу «Традиционная свадьба. Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье» [1998], в которой, помимо украинского материала, зафиксированы отдельные элементы, присущие белорусской свадебной обрядности. В 2011 г. в Новосибирске был издан том «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», представляющий собой своеобразную антологию семейно-обрядовых песен белорусских переселенцев.

Наибольшее количество белорусских крестьян основывали свои поселения на плодородных землях южных районов Дальнего Востока. Помимо расположенных на территории Приморского края, нами было выявлено большое количество белорусских деревень в Амурской области. В отличие от приморских, о них отсутствуют фундаментальные исследования. Государственный архив Амурской области также располагает незначительным кругом документов, связанных с крестьянскими переселениями. Поэтому основными источниками, которые помогли нам выявить места компактного расселения белорусов в Приамурье, стали краеведческие издания, посвященные истории отдельных районов Амурской области, а также районные периодические издания².

Проведенные нами полевые экспедиционные исследования охватили Михайловский район Приморского края, где были записаны рассказы информаторов, а также исследованы некоторые образцы материальной культуры потомков белорусских переселенцев³.

Крестьянские переселения белорусов на Дальний Восток

Массовая аграрная колонизация территории Дальнего Востока началась вскоре после подписания в 1858 г. с Китаем Айгунского договора, по условиям которого левый берег Амура признавался принадлежащим России, а правый берег до реки Уссури — Китаю. Пекинский договор 1860 г. закрепил за русскими территорию Приморья. Вскоре вслед за казаками, обеспечивавшими военно-оборонительные задачи на русско-китайской границе, на Дальний Восток начали прибывать первые крестьяне.

Особенностью крестьянской колонизации Дальнего Востока стало то, что, помимо транссибирских путей сообщения, на ее ранних этапах использовался морской путь. А.А. Кауфман отмечал, что «заселение Приморской области и в частности Южно-Уссурийского края, начавшись несколько раньше заселения Амурской области, происходило первоначально сухопутными маршрутами и шло очень медленно. Всего с 1860 до 1890 г. сюда прибыло сухим путем

² Авторы статьи выражают большую признательность В.В. Смирновой и другим сотрудникам отдела краеведения Амурской областной научной библиотеки им. Н.Н. Муравьева-Амурского за помощь в поиске библиографических материалов.

³ Авторы статьи выражают глубокую благодарность Н.В. Андрущенко, Г.В. Никитиной и другим сотрудникам управления культуры и внутренней политики администрации Михайловского муниципального района Приморского края за активную помощь в организации экспедиционных полевых исследований.

Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев...

862 семьи и 4642 души обоего пола» [2006]. А.А. Кауфман объяснял эти малые цифры большой продолжительностью (около двух лет) и тяжелыми условиями сухопутного передвижения в Южно-Уссурийский край. В целях ускорения заселения края правительство принимает решение о переселении крестьян морским путем. «Чтобы преодолеть отвращение крестьянина к передвижению морем, решено было в течение трех лет отправлять за казенный счет по 250 семей переселенцев, причем каждой семье, кроме сложения недоимок и всех прочих льгот по закону 1861 г., полагались безвозвратно: даровой проезд от Одессы; продовольствие на 1½ года; 100 руб. на заготовку материалов для жилища; пара голов рабочего скота и корова; семена для полевых посевов и огорода и различные предметы хозяйственного обзаведения, от землевладельческих орудий до печных приборов и сит для просеивания муки» [Там же].

Морское сообщение Одесса — Владивосток было открыто в 1879 г. [Бутковская, Смирнова, 2008, с. 65]. Большинство пароходов следовали на Дальний Восток через Черное и Средиземное моря, Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан и через моря Тихого океана. В среднем время в пути составляло от 45 до 70 суток. По данным А.А. Кауфмана, с 1883 по 1885 г. морским путем бесплатно было перевезено 754 семьи (4668 чел.). Все они ранее проживали в Черниговской губернии [Кауфман, 2006]. В работе Н.В. Бутковской и И.Ю. Смирновой приведено подробное описание того, как в 1882 г. из Одессы отправился пароход Общества Добровольного флота «Нижний Новгород» (рис. 1) с первыми ходоками, делегированными крестьянами Черниговского, Сосницкого, Мглинского и Суражского уездов Черниговской губернии для переселения в Южно-Уссурийский край. В числе прибывших на Дальний Восток ходоков был Дорофей Софронович Мельников из д. Неглюбка Верещацкой волости Суражского уезда Черниговской губернии. Он выбрал два участка в среднем течении р. Лефу, положивших начало деревням Ивановке и Николаевке, расположенным на территории современного Михайловского района Приморского края. В 1883 г. на пароходах «Россия» и «Петербург» вслед за ходоками в Приморье было отправлено более полутора тысяч переселенцев [Бутковская, Смирнова, 2008, с. 69].

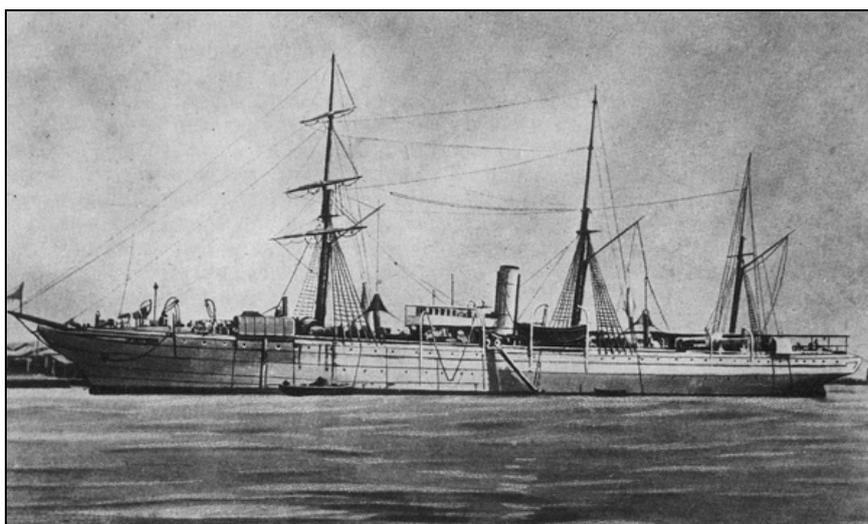

Рис. 1. Пароход «Нижний Новгород» (фото опубл.: [Бутковская, Смирнова, 2008])

Трансформации этнокультурной идентичности белорусских переселенцев на Дальнем Востоке

Рассмотрим подробнее процессы трансформации этнокультурной идентичности белорусских переселенцев. Одним из ее характерных примеров является история основанной в результате морских переселений д. Ивановки, расположенной в Михайловском районе Приморского края. По рассказам старожилов, из белорусского поселения она достаточно быстро превратилась в «смешанную деревню». Н.В. Бутковская отмечает, что в результате последующих подселений в деревне сформировались улицы и даже своеобразные «микрорайоны», в которых селились представители отдельных землячеств. Эти места назывались Киевщиной, Харьковщиной, Могилевщиной, Полтавщиной и т.д. Например, район около больницы, в котором проживали украинские переселенцы, называли Балабухой [Бутковская, 2008, с. 83].

Экспедиционные исследования, проведенные нами в Ивановке в июле 2013 г., указывают на то, что к настоящему времени среди ее населения практически не сохранилась белорусская самоидентификация. Большинство жителей села воспринимают его украинским. Об этом свидетельствует записанная нами беседа с директором Ивановского дома культуры Надеждой Ивановной Садовской. По ее словам, численный перевес выходцев с Украины способствовал растворению в их среде белорусских переселенцев, чья этническая самоидентификация была выражена слабее. Сходство двух восточно-славянских культур способствовало быстрому нивелированию региональных этнокультурных особенностей у жителей села. Примечательно, что в 2013 г. для участия в фестивале национальных культур «Венок дружбы», проводимом в районном центре — с. Михайловском, в белорусском фольклорном коллективе были вынуждены принимать участие преимущественно потомки украинских переселенцев, так как в селе почти не осталось носителей аутентичной белорусской песенной традиции.

Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, сохранившиеся в Ивановке элементы традиционной культуры представляют большой интерес с точки зрения изучения их общих и особенных черт, встречающихся у русских, украинцев и белорусов. Одним из подобных примеров являются зафиксированные нами особенности поминальных обрядов. По рассказам жителей села Н.Н. Вишни и Н.И. Садовской, потомки белорусских и украинских переселенцев чаще называли Радуницу «родительским днем», как это сегодня принято в большинстве регионов России. С их слов, из-за того что священнослужитель был один на весь район, в деревнях поминавшие усопших происходило в разные дни. В одной деревне родительский день мог отмечаться в понедельник, на следующую неделю после Пасхи, в другой — во вторник, в третьей — в среду. Примечательно, что в современной Республике Беларусь Радуница, отмечаемая во вторник, является официальным выходным днем. А в разных районах Украины праздник сегодня может отмечаться как в понедельник, так и во вторник. Присутствие священнослужителя в дни поминовения информаторы считали обязательным. В советское время был период, когда глава сельсовета делал днем поминовения воскресенье, чтобы не занимать рабочие дни. Причины перечисленных различий в названии и времени проведения праздника можно связать с двумя факторами. Во-первых, в годы советской власти местные жители были вынуждены отступать от традиций ввиду недостатка священнослужителей и невозможности нарушать установленный сельсоветом трудовой распорядок. В то же время встречающиеся на Украине «плавающие» даты проведения праздника и предпочтение русского названия «родительский день» белорусскому «Радуница» можно трактовать в качестве одного из индикаторов преобладания украинских и русских компонентов традиционной культуры среди сегодняшнего населения Ивановки.

Раньше в селе на родительский день было принято накрывать на кладбище общий поминальный стол. Если не было стола, то скатерть расстилалась на земле. Приносили традиционные для поминовения блюда — кутью, яйца, блины, выпечку. Поминали спиртным, но «не в таких количествах и не так часто, как сейчас» (Н.И. Садовская). Ранее стопка водки на могилу усопшего никогда не ставилась. В настоящее время ее часто ставят, мотивируя это тем, что так принято в городской среде. На кладбище из дома специально приносился рушник, который расстилался на могиле. На него было принято ставить горячую пищу, «чтобы передать тепло предкам» (Н.И. Садовская). После похорон и на родительский день также было принято обвязывать могильные кресты рушниками. Жители Ивановки считают данную традицию характерной как для белорусов, так и для украинцев. Она почти не сохранилась. Местные жители объясняют утрату этой традиции тем, что современные мраморные надгробные памятники стало неудобно обвязывать рушниками. При осмотре кладбища Ивановки нами были обнаружены специфические примеры модернизации этого обряда. Несколько металлических памятников, увенчанных звездой, были обвязаны красными лентами или выцветшими от времени полотенцами. На одном кресте повязан не традиционный домотканый рушник, а полотенце фабричного производства. Другой мраморный памятник на недавнем захоронении обвязан саваном с православной символикой (рис. 2).

Анализ полевых этнографических материалов, собранных на территории Приморского края и Амурской области, свидетельствует о серьезных различиях в принципах этнокультурной самоидентификации белорусских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке. На территории большинства районов Сибири, в которые осуществлялись массовые крестьянские переселения во второй половине XIX — начале XX в., уже успела сложиться прослойка русского старожильческого населения. Значительная часть его предков поселилась на этих землях в течение XVII–

Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев...

XVIII вв. Эти люди чаще всего называли себя чалдонами. В противовес этому крестьян, прибывавших в Сибирь со второй половины XIX в. из западных губерний, часто называли самоходами. Наиболее распространенным данное самоназвание было среди белорусских переселенцев. По одной из версий, его происхождение связывают с белорусским словом «самохаць», которое означает «добровольно, по собственному желанию» [Багашев, Федоров, 2012, с. 125]. По данным проведенных нами в 2009–2013 гг. экспедиционных исследований в местах компактного проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев, ареал самоназвания «самоход» отчетливо фиксировался на территории от Зауралья до Прибайкалья. На Дальнем Востоке упоминание этого самоназвания ни разу не было нами зафиксировано. Его отсутствие подтверждает и тот факт, что имеющие многолетнюю практику полевых исследований в Приморье сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (к.филол.н. Л.Е. Фетисова, к.и.н. Г.Г. Ермак) в частных беседах отмечали, что никогда не сталкивались с этим понятием. Отсутствие специфических самоназваний у выходцев из западных губерний можно объяснить тем, что на территориях «позднего освоения» разные группы переселенцев находились в более или менее равных условиях и это способствовало их быстрой этнокультурной консолидации. Конфликты, которые возникали между ними, чаще всего были связаны с сугубо хозяйственными проблемами. Одна из них состояла в том, что до 1900 г. переселенцам выделялись наделы по 100 дес. на семью, тогда как последующим группам прибывших в Приморье крестьян начали выделять по 15 дес. на душу. Данная ситуация нередко вызывала хозяйственные споры между «стодесятинниками» и новоселами [Фетисова, 1999, с. 34], но эти конфликты, как правило, не были связаны с этнокультурными противоречиями в Сибири между чалдонами и самоходами.

Рис 2. Намогильные памятники в д. Ивановке Михайловского района Приморского края.
Фото Р.Ю. Федорова, 2013 г.

Ввиду отсутствия в Приморье самоназваний, акцентирующих подобно слову «самоход» национальность, а новый этнокультурный статус переселенцев, на его территории доминирует традиционная для Европейской России национальная самоидентификация. Подавляющее большинство потомков переселенцев — восточных славян, включая украинцев и белорусов,

сегодня склонны считать себя русскими. В то же время украинская идентичность также продолжает оставаться заметной во многих деревнях Приморья. При этом результаты переписи населения свидетельствуют о стремительном падении ее значения. Если в 2002 г. 4,58 % жителей Приморья относили себя к украинцам, то в 2010 г. таковыми себя считали только 2,76 % опрошенных. Схожая ситуация отмечается и с белорусами. В 2002 г. их численность составляла 11 627 чел. (0,57 %), но к 2010 г. она сократилась почти вдвое — до 5930 чел. (0,33 %) [Национальный состав населения Приморского края, 2012, с. 5]. Очевидно, что данная ситуация в большей степени связана не с миграциями или естественной убылью населения, а с трансформациями этнического самосознания потомков переселенцев. Так, представитель Владивостокского украинского общества «Просвіта» В.А. Черномаз отмечал, что в обыденном сознании жителей Приморья бытует мнение, что не менее половины его сельского населения имеет украинские корни [1999, с. 26]. Автор объясняет незначительные статистические показатели удельной доли украинцев в Приморье высокой степенью их ассимиляции, вызванной близостью культуры, языка, религии русских и украинцев, а также слабой развитостью или отсутствием социальных институтов, воспроизводящих украинскую культуру (национальные школы, периодические издания, специализированные учреждения культуры и т.д.). Можно констатировать, что подобная ситуация, только в меньших масштабах, характерна и для белорусского населения Приморья.

Другая проблема состоит в том, что значительная часть белорусов прибывала в Приморье из этноконтактных зон белорусско-русского и белорусско-украинского пограничья (нередко находившихся в границах русских или украинских территорий). К ним в первую очередь можно отнести выходцев из Суражского, Мглинского, Новозыбковского, Стародубского и Городнянского уездов Черниговской губернии. Так как на момент переселений белорусское национальное самосознание еще не успело окончательно сформироваться в крестьянской среде мест выхода, переселенцы из этих районов чаще всего называли себя «русскими», а свою родину «Расеей» [Фетисова, 2002, с. 21]. Помимо этого, на территории Дальнего Востока была распространена региональная, а не этническая самоидентификация, когда переселенцы отождествляли себя с «могилевскими» или «витебскими». Данные примеры были широко распространены на территории всей Сибири, и их с уверенностью можно назвать общими для всего белорусского переселенческого движения того периода.

Для адекватного понимания процессов социальной и хозяйственной адаптации белорусских переселенцев на Дальнем Востоке большое значение имеет изучение их взаимодействий с новым этнокультурным окружением. Особого внимания заслуживают исследования перенесения моделей межнациональных взаимодействий из мест выхода переселенцев в районы их компактного проживания на новой родине. Ю.В. Чернявской был предпринят анализ архетипов «своего/чужого» на примере иноэтничных соседей белорусов, в роли которых чаще всего выступали проживавшие в непосредственной близости от них евреи, цыгане или татары [2010]. Соседей, с которыми у белорусских крестьян устанавливались дружественные хозяйственные и социальные контакты, «инородцев», ввиду культурных различий, нередко отождествляли в местном фольклоре с персонажами, связанными с потусторонними силами. Автор отмечала, что «о близости Еврея (или вообще Чужого) к «тому свету» свидетельствует ряд белорусских обычаев. Так, на ряжении (на Коляды, на Пасху) полесские крестьяне надевали маски еврея, цыгана или татарина» [Чернявская, 2010, с. 218]. Большого внимания заслуживает трансформация этой традиции на Дальнем Востоке. Здесь в роли «чужого» для белорусских крестьян начали выступать живущие поблизости китайцы и корейцы, встречавшиеся в качестве святочных персонажей [Фетисова, 2002, с. 78–79].

Однако переселенцы не только противопоставляли себя новому этническому окружению, но и заимствовали у них некоторые хозяйственные традиции. Так, в ряде деревень, расположенных на территории современной Амурской области, местные жители под влиянием китайцев начали выращивать сою. Взаимодействие переселенцев с местным природным миром могло подчас показаться полным экзотики для жителей западных губерний. Так, Л.Е. Фетисова приводит выдержку из газеты «Владивосток» за 1887 г., в которой сообщалось о набегах тигров, в результате которых жители переселенческих деревень лишались свиней и собак [2002, с. 28].

Еще одной интересной гранью историко-этнографических аспектов жизни белорусских переселенцев на Дальнем Востоке является топонимика основанных ими деревень. Наиболее часто названия деревень, связанные с местами выхода белорусских переселенцев, можно встретить в Амурской области. Приведем лишь некоторые примеры таких деревень, сохранив-

шихся на территории Свободненского района. Село Рогачевка было основано в 1898 г. переселенцами из Рогачевского уезда Могилевской губернии. Деревня Костюковка основана в 1901 г. выходцами из одноименного села, расположенного в Костюковической волости Могилевской губернии. Село Нижние Бузули основали в 1909 г. выходцы с Украины и из Белоруссии. В переводе с белорусского «бузуи» означает «ходыки, искавшие новое место». Старожилы деревни утверждают что буква «л» была позднее вставлена в ее название для более твердого звучания. Село Семеновка было основано в 1908 г. украинцами и белорусами. По преданию, местные жители тянули жребий, чьим именем назвать село. Жребий выпал Семену Иванову. Первый колхоз в Семеновке появился в 1929 г. и назывался «Красный Белорус», что указывает на процессы «белорусизации», имевшей в те годы место не только на территории БССР, но и в ряде национальных районов проживания белорусов в Сибири и на Дальнем Востоке [Летопись сел Свободненского района, 2010].

Подведем первые итоги нашего исследования. В отличие от Сибири, на территории Дальнего Востока сложилось больше предпосылок для полной ассимиляции белорусских крестьян. В первую очередь они были связаны с тем, что территорию большинства аграрных районов Дальнего Востока русские, украинцы и белорусы заселяли практически одновременно. Освоение новых земель общими усилиями способствовало этнокультурной консолидации переселенцев. Данная ситуация контрастирует с этнографическими материалами, собранными во многих районах Сибири, в которых можно отчетливо проследить разделение на старожильческие и новопоселенческие культурно-бытовые традиции и принципы самоидентификации. В отличие от Сибири, для аграрной среды Дальнего Востока более характерно не обособление отдельных групп восточно-славянских переселенцев, а своеобразный синтез локальных этнических традиций, привнесенных ими из мест выхода.

Несмотря на общие процессы ассимиляции потомков белорусских переселенцев на территории Дальнего Востока, сегодня среди них можно наблюдать и процесс своеобразной «латентной идентичности». Ее активизация была зафиксирована нами в ходе чрезвычайной ситуации. В августе 2013 г. во время стихийного бедствия, связанного с масштабным наводнением в Приамурье, имела место активная консолидация и взаимопомощь людей по национальному, «земляческому» принципу. Так, добровольцы действующей в Благовещенске автономной некоммерческой организации «Белорусское землячество», возглавляемой уроженцем г. Рогачева Гомельской области Н.М. Васильевым, оказывали адресную помощь жителям «белорусских» деревень. Члены землячества брали шефство над наиболее незащищенными пожилыми жителями затопленных селений, оказывали помощь в их эвакуации, а также в восстановлении пострадавших от наводнения домов. Правительство Республики Беларусь доставило в Благовещенск транспортным самолетом Ил-76 сорок три тонны гуманитарной помощи, основу которой составило детское питание. Помимо этого из Беларуси по железной дороге для всех пострадавших жителей Приамурья были доставлены консервы и картофель. Данная ситуация свидетельствует, что сохранение национального самосознания и культурных традиций переселенцев во многих случаях можно рассматривать в качестве важного социального капитала, способствующего сплочению людей в чрезвычайных обстоятельствах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аргудяева Ю.В. Белорусы-литвины в Приморье (конец XIX в.) // Проблемы культуры Дальнего Востока: Науч. конф. Владивосток, 1993. С. 15–18.
- Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XX в.). М., 1997. С. 45–47.
- Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 124–129.
- Бутковская Н.В., Смирнова И.Ю. Мельниковы. Бондарь. Головки. Семейные хроники. Владивосток, 2008. 435 с.
- Кауфман А.А. Переселения крестьян в России // Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: Современная версия: В 24 т. М.: Эксмо, 2006. Т. 13. 255 с.
- Летопись сел Свободненского района / Сост. Л.Л. Сандырева; Межпоселенческая б-ка Свободненского р-на. 2010. 84 с. Рукоп.
- Национальный состав населения Приморского края. Владивосток: Приморскстат, 2012. 91 с.
- Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / Сост. И.В. Семенова. Владивосток, 1998. 118 с.

А.Н. Багашев, Р.Ю. Федоров

Фетисова Л.Е. Белорусы в Приморье // Многонациональное Приморье: История и современность: Материалы науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. морской акад., 1999. С. 34–37.

Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. 240 с.

Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1: Семейно-обрядовые песни и причитания. Новосибирск: Наука, 2011. 548 с.

Черномаз В.А. Украинцы Приморья: Прошлое и настоящее // Многонациональное Приморье: История и современность: Материалы науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. морской акад., 1999. С. 26–32.

Чернявская Ю.В. Белорусы: От «тутэйших» к нации. Минск: ФУАинформ, 2010. 512 с.

Тюмень
*ИПОС СО РАН
bagashev@tmn.ru
**ИКЗ СО РАН
r_fedorov@mail.ru

The article is devoted to historical-and-ethnographic investigations with regard to life of Byelorussian peasants migrated into the territory of the Far East in the late XIX — early XX century. The paper considers assimilation processes and preservation of certain elements of ethnocultural identity with the migrants.

Byelorussian migrants, Byelorussians in the Far East, agrarian migrations, traditional Byelorussian culture, ethnocultural interactions.